Князь Степанъ Степановичъ

БАРЯТИНСКІЙ.

(Біографическій очеркъ).

Изъ воспоминаній

В. Н. Бензенгръ.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1888.

Князь Степанъ Степановичъ

БАРЯТИНСКІЙ.

(Біографическій очеркъ).

Изъ воспоминаній

В. Н. Бензенгръ.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1888.

Печатано съ разрѣшенія мѣстной цензуры.

Князь Степанъ Степановичъ Барятинскій.

(Біографическій очеркъ).

(Изъ воспоминаній В. Н. Бензенгръ).

Авторъ приведенныхъ ниже двухъ отношеній и письма, князь Степанъ княжъ Степановичъ Барятинскій, сынъ князя Степана Андреевича и княжны Марьи Александровны Барятинскихъ (двоюродныхъ), остался въ 90-хъ годахъ прошедшаго столѣтія безъ отца и матери, почему въ народѣ Раненбургскаго уѣзда извѣстенъ былъ подъ именемъ «малолѣтняго». У него было три сестры, Елизавета, бывшая за мужемъ за Смоленскимъ помѣщикомъ и Московскимъ откупщикомъ Прокофьемъ Михаиловичемъ Семеновымъ; Александра, бывшая за мужемъ за извѣстнымъ франтомъ того времени (а впослѣдствіи неменѣе извѣстнымъ развратникомъ) Алексѣемъ Петровичемъ Ашанинымъ и Евдокія, вышедшая замужъ за плѣннаго офицера, а можетъ быть и просто солдата Наполеоновской арміи, барона Шумана, вскорѣ послѣ брака умершая и оставившая послѣ себя единственную дочь, Анну, которую Князь

Ст. Ст. оставилъ при себѣ. Воспитаніе и при томъ несомнѣнно блестящее князь Ст. Ст. получилъ въ Москвѣ, въ домѣ своей старшей сестры Елизаветы Степановны Семеновой, жившей тогда въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Солянкѣ, купленномъ послѣ двѣнадцатаго года въ казну Воспитательнымъ Домомъ и до сихъ поръ извѣстнымъ подъ именемъ Семеновскаго. Двѣнадцатый годъ засталъ молодаго князя, весьма красиваго брюнета, отлично образованнаго и богатаго (у него было болѣе полуторы тысячи душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ: Рязанской, Владимірской, Ярославской и Нижегородской), записаннымъ въ Московскую Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что считалось тогда верхомъ аристократизма. Тотчасъ послѣ нашествія французовъ князь записался въ сформированный графомъ Мамоновымъ полкъ и съ нимъ, прямо въ чинѣ офицера, отправился въ походъ за границу.

Извѣстно, что полкъ графа Мамонова въ 13-мъ же году былъ раскасированъ, вслѣдствіе чего князь Ст. Ст. перешелъ въ гусарскій Принца Оранскаго полкъ и съ нимъ вступилъ въ предѣлы Франціи. Не видавъ никогда его формулярнаго списка, я не знаю участвовалъ ли онъ въ какихъ дѣлахъ, но знаю что въ г. Нанси,—откуда была родомъ моя мать, впослѣдствіи его супругою—онъ былъ сильно ушибенъ лошадью въ голову, отчего и пролежалъ тамъ въ безчувственномъ состояніи нѣ-

сколько недѣль. По возвращеніи полка въ Россію князь былъ посылаемъ два раза, въ 1815 и въ 1816 годахъ, за покупкою ремонта, послѣ сдачи которыхъ, уже въ 1817 году вышелъ въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра и поселился навсегда въ имѣніи своемъ, сельцѣ Никольскомъ, при селѣ Нарышкинѣ, Раненбургскаго уѣзда. Тамъ прожилъ онъ 10 лѣтъ, {занимаясь хозяйствомъ и особенно улучшеніемъ состоянія своихъ крестьянъ и безъ того богатѣйшихъ въ округѣ; для воспитанія единственной своей племянницы, баронессы Анны Шуманъ, онъ выписалъ, видѣнную имъ въ Липецкѣ на водахъ въ семействѣ Межевичъ, француженку Г-жу Бензенгръ (съ сыномъ Василіемъ покорнымъ слугою, тогда двухъ-лѣтнимъ мальчикомъ), впослѣдствіи женился на ней, имѣлъ троихъ дѣтей, дочь и двухъ сыновей, изъ коихъ меньшой, Степанъ, необыкновенно развитый и острый мальчикъ, умеръ 5 лѣтъ, что было страшнымъ горемъ для отца и матери. Въ 1828 году, кажется по совѣту своего двоюроднаго брата, Степана Петровича Жихарева, тогда еще ничѣмъ не запятнавшаго свою славную репутацію, для воспитанія своихъ дѣтей князь переѣхалъ на житье въ Москву, гдѣ на Арбатѣ, въ Афанасьевскомъ переулкѣ, въ домѣ доктора М. Я. Мудрова (нынѣ домъ Плечко) скоропостижно умеръ 5 Марта 1830 года и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Воспитаніе, какъ я уже выше сказалъ, князь

Ст. Ст. получилъ блестящее; по французски онъ говорилъ, какъ французъ хорошаго общества; зналъ основательно нѣмецкій и русскій языки; писалъ онъ, какъ видно изъ прилагаемыхъ документовъ, почти безъ ошибокъ; слогъ имѣлъ характерно рѣзкій; зналъ, кажется, очень хорошо по латыни, потому что у меня долго хранился экземпляръ Горація съ замѣтками и подчеркнутыми его рукой любимыми мѣстами; въ Никольскомъ, послѣ смерти его, осталась довольно богатая и разнообразная библіотека; выписывалъ много журналовъ и газетъ и былъ въ постоянной перепискѣ съ Жихаревымъ; извѣстно, что записки послѣдняго, «Дневникъ Студента», всѣ состоятъ изъ писемъ къ Ст. Ст.

Нрава онъ былъ, какъ говорилось тогда, очень крутаго; легко приходилъ въ сильный гнѣвъ, но скоро отходилъ, и тогда старался загладить нанесенное оскорбленіе или напрасно сдѣланное наказаніе, подаркомъ или наградою. Постоянно выказывалъ наружное почтеніе къ родному своему дядѣ, князю Дмитрію Александровичу Барятинскому, брату покойной своей матери, но кажется видѣлъ въ немъ истиннаго самодура и чудака даже для тогдашняго времени *). Съ весьма немногими изъ сосѣдей князь былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; искренно любилъ ближайшаго своего сосѣда по

*) Объ этомъ баринѣ я надѣюсь написать со временемъ цѣлую главу.

имѣніямъ, отставнаго майора—или какъ онъ говаривалъ «майеіора» — Сергія Алексѣевича Карѣева, тишайшаго и добрѣйшаго владѣльца села Братовки, лежащаго въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Никольскаго; искренно любилъ и уважалъ князь еще одного изъ своихъ сосѣдей, отставнаго полковника какого-то гусарскаго полка (кажется Сумскаго), носившаго за какіе-то прегрѣшенія сѣрый мундиръ, обвѣшаннаго орденами, съ деревяшкой вмѣсто лѣвой ноги, Ѳедора Андреевича Шишкина, жившаго въ небольшомъ имѣньицѣ, въ селѣ Снежеткѣ, величайшаго оригинала и чудака, но прекраснѣйшаго и честнѣйшаго человѣка. Остальныхъ дворянъ князь принималъ необыкновенно чинно; хотя онъ не зналъ, что такое халатъ—тогда какъ С. А. Карѣевъ по году не выходилъ изъ халата—и всегда былъ прекрасно одѣтъ, но при видѣ пріѣзжающаго сосѣда (кромѣ близкихъ друзей) или какого нибудь чиновника, онъ всегда приказывалъ камердинеру подавать одѣваться и выходилъ къ пріѣхавшему во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, сажалъ гостя въ гостиной на диванѣ, а самъ помѣщался напротивъ на креслѣ, что, кажется, не мало стѣсняло пріѣзжавшихъ и мало по малу многихъ совсѣмъ отучило ѣздить къ нему; легко можно себѣ представить, что въ такомъ случаѣ дѣлалось съ несчастными повытчиками и другими чиновниками, посылаемыми къ нему изъ Земскаго и Уѣзднаго Судовъ За то 15 декабря, день Св. Стефана Суровска-

го, его ангела, уже весь уѣздъ съѣзжался на званый обѣдъ.

Зимой и лѣтомъ князь много ходилъ пѣшкомъ, всегда съ тростниковой палкой и безъ галошъ; онъ такъ и умеръ незная, что такое галоши, или теплые сапоги. Какъ бы ни было грязно или мокро, онъ все-таки шелъ гулять, только по возвращеніи перемѣнялъ обувь; зимой садился въ открытыя сани въ обыкновенныхъ сапогахъ, безъ полости и ковра на ногахъ, въ одной медвѣжьей шубѣ, тогдашняго покроя, съ огромнымъ откладнымъ воротникомъ и висящими до пола рукавами. Страстно любилъ ѣздить верхомъ; имѣлъ прекрасныхъ верховыхъ лошадей и мастерски ѣздилъ; очень любилъ также ѣздить въ бѣговыхъ дрожкахъ и всегда на самой горячей и даже бѣшеной лошади. Всегда любилъ уединяться, а послѣ смерти горячо любимаго имъ сына Стёпеньки, часто уѣзжалъ на нѣсколько дней въ близь лежащую Петропавловскую пустынь, въ которую и сдѣлалъ нѣсколько богатыхъ вкладовъ; въ это время онъ сдѣлался очень богомоленъ; рядомъ съ его спальной была большая молельня, со множествомъ иконъ въ дорогихъ ризахъ съ каменьями и жемчугомъ, передъ которыми онъ молился на колѣняхъ по нѣскольку часовъ и потомъ прикладывался къ нѣкоторымъ особенно чтимымъ образамъ; послѣ смерти увидали у него на колѣнахъ струпья или твердыя мозоли.

Гордый, высокомѣрный, сознающій на сколь-

ко и по уму и по образованію и по положенію онъ былъ выше всего, его окружающаго, онъ велъ постоянную переписку съ своимъ двоюроднымъ братомъ, Степаномъ Петровичемъ Жихаревымъ, бывшимъ тогда оберъ-прокуроромъ 8 Департамента Московскаго Сената, и немногими другими друзьями, изъ коихъ я особенно помню одного, весьма изящнаго человѣка, Коваленскаго, часто пріѣзжавшаго погостить въ Никольское. Эта переписка и полученіе газетъ и журналовъ настолько его интересовали, что онъ почти каждый вторникъ ѣздилъ самъ на почту въ Раненбургъ, отстоящій отъ Никольскаго въ 12 верстахъ; чрезвычайно ласкалъ и всѣмъ дарилъ стараго почтмейстера, который часто пріѣзжалъ, тоже на бѣговыхъ дрожкахъ и на какой-то пѣгинькой, бѣлоглазой лошадкѣ, которую мы всѣ знали и любили, на цѣлыя сутки въ Никольское и чуть ли не цѣловалъ князя въ плечо послѣ обѣда и ужина. Особенно памятны мнѣ, такъ какъ я постоянно сопровождалъ его, зимой въ саняхъ, а лѣтомъ въ тряскихъ дрожкахъ, эти поѣзда на почту въ декабрѣ 1825 и весь 1826 годъ. Я же переписывалъ ему и докладъ Верховной Комиссіи, котораго одинъ экземпляръ прислалъ ему, кажется, Жихаревъ; участія въ декабрскомъ дѣлѣ онъ конечно никакого не принималъ, равно какъ и Степанъ Петровичъ, но безъ сомнѣнія многихъ изъ участвовавшихъ зналъ и судьбою всѣхъ сильно интересовался. Послѣд-

ніе два года своей жизни, 28 и 29, онъ жилъ частью въ деревнѣ, одинъ, наблюдая за хозяйствомъ, частью въ Москвѣ, гдѣ почти ежедневно, но видался съ Жихаревымъ, Мясновымъ, Воейковыми, Дмитріемъ и Васильемъ Петровичами и другими коннозаводчиками. Въ 29 году онъ выписалъ, черезъ посредство кого-то изъ нихъ, изъ Голландіи двѣнадцать матокъ и заводчика, которые и пришли въ Москву весной тридцатаго года, уже послѣ его кончины. Изъ лицъ часто бывавшихъ у насъ въ Москвѣ мнѣ особенно памятны: старикъ Булгаковъ, тоже отставной гусаръ и кажется однополчанинъ, большой чудакъ и вѣчный фрондеръ; какъ контрастъ ему, также часто бывавшій, благолѣпный и благодушный старикъ Шухвастовъ, будто бы бѣжавшій изъ Петербурга отъ нѣжныхъ взоровъ Великой Екатерины. Часто также бывалъ, но особымъ расположеніемъ не пользовался, директоръ Губернской Гимназіи баронъ Василій Ивановичъ Медемъ, извѣстный красавецъ и донъ-жуанъ, какъ женатый на родной его племянницѣ, Аннѣ Прокофьевнѣ Семеновой.

Въ зиму съ 29 по 30 годъ князь сталъ часто прихварывать, кашлялъ и терялъ голосъ; лѣчилъ его Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, но едвали понималъ его болѣзнь, потому что былъ сильно пораженъ, когда утромъ 5 марта пріѣхалъ уже къ умершему князю; въ 9 часовъ, вставъ съ постели, онъ, по обыкновенію подошелъ къ зеркалу, чтобы обтереть лице одеко-

лономъ съ водою, какъ вдругъ изъ горла хлынула кровь и онъ упалъ мертвый на руки своей обезумѣвшей жены, моей бѣдной матери.

Не считая покойнаго князя Степана Степановича особенно замѣчательнымъ, чѣмъ нибудь выдающимся человѣкомъ, думаю однако что для своего мѣста и времени, это была личность незаурядная и стоющая очерка и памяти. Это доказывается всего больше тѣмъ отпоромъ, который онъ одинъ рѣшился оказать, по просьбѣ дворянъ своего уѣзда и ихъ предводителя, Николая Игнатьевича Полибина, жившаго по сосѣдству въ селѣ Нарышкинѣ, всесильному тогда генералъ-губернатору Александру Дмитріевичу Балашеву, задумавшему учредить десятскихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Чтобы провести эту идею, кромѣ циркуляра по Рязанской губерніи, разосланнаго отъ Рязанскаго гражданскаго губернатора Николая Ивановича Шредера, Балашевымъ былъ посланъ еще состоящій при немъ чиновникомъ особыхъ порученій статскій совѣтникъ Александръ Филиповичъ Ѳедотовъ *). Вотъ для пріема-то этого чиновника и былъ устроенъ въ домѣ князя Ст. Ст. въ Никольскомъ торжественный обѣдъ.

Какъ я ни былъ малъ, но живо помню эту сцену, когда къ концу парадnаго и длиннаго обѣда, за которымъ были почти всѣ дворяне

*) Родной дѣдъ извѣстнаго теперь актера и писателя Ал. Фил. Ѳедотова.

уѣзда, съ предводителемъ и съ сѣдинькимъ старичкомъ, съ Анной съ брилліантомъ на шеѣ, Ѳедотовымъ, сидѣвшими по ту и другую сторону князя, послѣ долгаго и горячаго спора о незаконности введенія десятскихъ, разгорячённый князь закричалъ: «Емелька, шестерикъ въ коляску и отвезти Г-на Ѳедотова въ Ряжскъ»! А самъ ушелъ въ гостинную, захлопнувъ за собою дверь.

Незнаю, что и какъ послѣдовало за тѣмъ, но положительно знаю, что на этомъ оборвался проэктъ учрежденія десятскихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, о чемъ я не разъ слышалъ и потомъ, еще при жизни князя, (къ чести котораго надо сказать, что насъ, меня, его племянниковъ, Семеновыхъ, и сиротъ Загорскихъ, съ нами воспитывавшихся, никогда изъ гостиной не выгоняли, о чемъ бы ни шла рѣчь), такъ и послѣ его кончины, вращаясь уже по порученію матери, въ кругу лучшихъ людей Раненбургскаго уѣзда.

Достойна также особеннаго замѣчанія составленная въ 1827 году княземъ записка о нуждахъ дворянъ, на имя министра внутреннихъ дѣлъ, копія съ которой находится въ памятной и записной книги покойнаго князя Степана Степановича. Передавая эту книгу на храненіе въ Рязанскую Архивную Комиссію, я думаю не только почтить дорогую мнѣ память человѣка, щедрою рукою давшаго мнѣ хорошее воспитаніе, но и возстановить

память о просвѣщенномъ человѣкѣ, строго охранявшемъ права своего сословія, о которомъ онъ былъ такого высокаго мнѣнія, о прекрасномъ семьянинѣ, старавшемся сдѣлать все возможное не только для своихъ, но и для дѣтей нѣкоторыхъ несостоятельныхъ сосѣдей, и объ истинномъ баринѣ, хотя и крутомъ подчасъ, но постоянно заботившемся о улучшеніи благосостояній своихъ крестьянъ. То были люди извинявшіе, такъ сказать, и замаскировывавшіе своею благонамѣренностію весь ужасъ крѣпостнаго права; мнѣ суждено было въ 57 и 58 годахъ разъяснять бывшимъ его крестьянамъ, состоящимъ во владѣніи его родныхъ внучекъ, княженъ Барятинскихъ, что и какъ ихъ ждетъ при столь страстно ожидаемомъ ими освобожденіи; тутъ я вполнѣ убѣдился, въ интимныхъ съ ними бесѣдахъ, сколько истинной благодарности сохранялось въ сердцахъ крестьянъ тѣхъ имѣній, гдѣ съ ними обходились истинно по человѣчески; много лѣтъ послѣ эмансипаціи я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя въ Москвѣ нашихъ «Амбурскихъ» крестьянъ и дворовыхъ. Да сохранится же добрая память о тѣхъ, которые сѣяли кругомъ себя добро и правду; много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и многое измѣнилось къ лучшему, многіе стали лучше, но нельзя не сознавать, что и въ эпоху Александра перваго было въ Россіи много прекрасныхъ людей, несомнѣнно подготовившихъ свѣтлую и незабвенную эпоху Александра втораго.

Вотъ копіи съ бумагъ, касающихся дѣла о десятскихъ, по записной книгѣ кн. С. С. Барятинскаго.

1.

Приказъ земскимъ исправникамъ Рязанской губерніи, какъ начальникамъ земской полиціи.

Іюня 10 дня 1824 года.

Впредь до изданія особой для сотскихъ и десятскихъ инструкціи, которая въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ, предписываю наблюдать и исполнять относительно ихъ слѣдующее:

1) Согласно предписанія начальника губернской полиціи доставить къ нему и не далѣе 30 іюня списки о всѣхъ сотскихъ по формѣ подъ литерой А, здѣсь прилагаемой.

2) Таковыя-жъ о всѣхъ десятскихъ подъ литерой В.

3) Строгое имѣть наблюденіе за сотскими и десятскими, чтобы они были поведенія трезваго и добропорядочнаго, не старые и не малолѣтніе; а притомъ отнюдь не позволять ни помѣщикамъ, ни волостнымъ начальствамъ смѣнять ихъ безъ особенно важныхъ причинъ и кольми паче безъ вѣдома начальника земской полиціи.

4) Чтобъ исправные сотскіе и десятскіе непремѣнно цѣлый годъ постоянно отправляли свои должности.

5) Чтобы они точно такъ, какъ полицейскіе служители, находились въ полномъ повиновеніи

и подъ непосредственнымъ начальствомъ земской полиціи и никуда отъ мѣста жительства никѣмъ постороннимъ, безъ вѣдома земской полиціи, отлучаемы не были.

6) Чтобы десятскій каждый о своемъ десяткѣ непремѣнно словесно репортовалъ бы сотскому одинъ разъ въ недѣлю о благосостояніи своего десятка; о всѣхъ же чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ тоже время доносить сотскому.

7) Чтобы сотскій, состоящій не далѣе 50 верстъ отъ уѣзднаго города, однажды въ недѣлю доносилъ начальникамъ земской полиціи лично и словесно о благосостояніи сотни; а состоящіе далѣе 50 верстъ черезъ каждыя двѣ недѣли. О всѣхъ же чрезвычайныхъ происшествіяхъ доносить, ни мало не медля въ тоже время, лично начальнику земской полиціи.

8) Десятскимъ состоять въ полной командѣ у сотскихъ, которые должны при малѣйшей со стороны ихъ ослушности немедленно о томъ доносить земской полиціи, которая съ таковыхъ имѣетъ взыскать на основаніи устава благочинія.

9) Съ полученія сего моего приказа, собравъ всѣхъ сотскихъ, объявить имъ сей приказъ въ присутствіи земской полиціи, со строгимъ подтвержденіемъ непремѣннаго по оному исполненія; въ противномъ же случаѣ поступать съ нимъ на основаніи устава благочинія.

Гражданскій губернаторъ Шрейдеръ.

2.

Раненбургскаго Земскаго Суда г-ну дворянскому засѣдателю Голофѣеву.

Отъ штабъ-ротмистра князя
Степана Барятинскаго

Объясненіе.

На объявленное мнѣ вами предписаніе его превосходительства господина Рязанскаго гражданскаго губернатора о назначеніи въ имѣніи моемъ (сельцѣ Никольскомъ) отъ каждыхъ десяти дворовъ десяцкихъ (Sic!) симъ объясняю:

Исполненіемъ предписанія сего, какъ отъ меня, равно и каждаго помѣщика отпадаетъ отъ каждыхъ десяти дворовъ или семействъ два работника, то есть: десяцкій и братъ его долженствующій оставаться при домѣ, для сохраненія онаго въ цѣлости, а потому я лишенъ буду ежегоднаго значущаго дохода.

Предписаніе сіе какъ я, равно и каждый дворянинъ, имѣетъ законное право не допустить къ дѣйствію, ибо оное проистекаетъ не отъ воли монаршей.

Существующими въ Россіи законами сохраненіе порядка, тишины, благоустройства каждаго помѣщичьяго имѣнія возложено на отвѣтственность самихъ владѣльцевъ, безъ пособія десяцкихъ, избранныхъ изъ среды имъ подвластныхъ. Не оскорбительно-ли дворянскому сословію пребывать подъ надзоромъ рабовъ своихъ? Не потрясется-ли спокойствіе, достоин-

ство онаго толикою десяцкихъ, отложившихся отъ повиновенія своихъ владѣльцевъ?

По симъ то причинамъ я прошу васъ, милостивый государь, остановиться выполненіемъ предписанія его превосходительства; если же о введеніи сего новаго устройства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, будетъ вами объявленъ мнѣ высочайшій указъ, то тогда безпрекословно повинюсь священной волѣ вселюбезнѣйшаго нашего Монарха.

1824 г. Іюня 26 дня.

3.

Его высокоблагородію господину Раненбургскому уѣздному предводителю

отъ штабъ ротмистра
князя Степана Барятинскаго.

Прошлаго мѣсяца 26 числа Раненбургскаго Земскаго Суда дворянскій засѣдатель г. Голофѣевъ, прибывъ въ имѣніе мое, сельцо Никольское, объявилъ мнѣ предписаніе его превосходительства господина Рязанскаго губернатора о назначеніи отъ каждыхъ десяти крестьянскихъ дворовъ по одному десяцкому.

Предписаніемъ симъ изъ имѣнія моего, заключающемъ девяносто дворовъ, отчуждаются совершенно изъ онаго девять крѣпостныхъ моихъ крестьянъ, ибо въ приказѣ, данномъ по предмету сему г. исправникомъ, сказано: «а притомъ отнюдь не позволять ни помѣщикамъ,

ни волостнымъ начальствамъ смѣнять ихъ безъ вѣдома начальника земской полиціи».

«Чтобы исправные сотскіе и десятскіе непремѣнно цѣлый годъ постоянно исправляли свою должность».

«Чтобы они точно такъ, какъ полицейскіе служители находились въ полномъ повиновеніи и подъ непосредственнымъ начальствомъ земской полиціи и никогда отъ мѣста жительства никѣмъ, безъ вѣдома земской полиціи, отлучаемы не были».

«Десятскимъ состоять въ полной командѣ у сотскихъ».

И такъ въ силу предписанія отходятъ изъ повиновенія моего девять лучшихъ работниковъ, а вмѣстѣ и доходъ, ими приносимый.

Предписаніемъ симъ я еще теряю вторыхъ ихъ братьевъ, долженствующихъ оставаться при своихъ семействахъ для сохраненія оныхъ въ цвѣтущемъ состояніи.

Всѣ до сего времени состоявшіе рекрутскіе наборы не лишали меня еще столь значущаго числа людей, ибо съ 437 душъ отпадаетъ отъ меня девять крестьянъ.

Когда предписаніемъ симъ отъемлются отъ меня оные крестьяне, то я имѣю право лишить оныхъ земли, владѣемой имя; кто-же тогда долженъ будетъ исправлять казенныя денежныя повинности, кѣмъ они будутъ содержимы, о семъ его превосходительство ничего не изъяснилъ.

Предписаніемъ симъ нарушается высочайше дарованная грамота дворянству, въ коей сказано: «дворянинъ безъ суда не лишается своего достоинства, ни своей чести, ни жизни, ни имѣнія.....»

«А безъ суда и приговора никто не можетъ самовольно у благороднаго имѣніе отобрать или оное разорить.....»

Предписаніе сіе, какъ налагающее новый тяжелый налогъ, противно высочайшему указу, состоявшемуся въ 1778 году іюня 6 дня, въ коемъ изображено: «Сенату учинить отъ высочайшаго ея императорскаго имяни строжайшее прещеніе, дабы никто не дерзалъ отягощать народъ никакими поборами и налогами, кромѣ тѣхъ, кои по волѣ ея императорскаго величества узаконены».

Изложивъ вамъ, милостивый государь, мои мнѣнія по поводу выписаннаго предписанія, я покорнѣйше прошу васъ сіе мое къ вамъ отношеніе представить на благоусмотрѣніе его высокопревосходительства господина Рязанскаго генералъ-губернатора.

1824 г. іюля 1 дня.

4.

Милостивый государь
Дмитрій Александровичъ! *)

Вторично отправилъ гонца къ сестрѣ—вско-

*) Письмо писано дѣйств. статс. совѣтн. Дмитрію Александровичу Кавелину.

рѣ буду имѣть честь извѣстить васъ о ея намѣреніи—душевно желаю угодить вашему превосходительству.

Примите при семъ полнѣйшую благодарность за участіе, принимаемое вами, по извѣстному моему дѣлу. Ваше превосходительство конечно изволите согласиться, что дворянину, опираясь на законы отчизны, дозволительно защищать свою честь, собственность; правосудіе дарить тогда его вѣнкомъ.

Гдѣ ты—тамъ собственность священна,
Тобою твердо огражденна,
Ликуетъ въ щастливыхъ сердцахъ.

Согласенъ что г. Шрейдеръ, точка моего зрѣнія, обличенъ отъ монарха властію, но,

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ
И глыба грязи позлащенной!

Въ мартѣ мѣсяцѣ Раненбургскій исправникъ г. Стругель сильно оскорбилъ меня; слѣдуя стезею чести, я, въ присутствіи дворянъ, губернскаго и уѣзднаго предводителей, изобличилъ его въ гнусномъ и корыстномъ поступкѣ—всѣ внемляли мнѣ—всѣ сердца исполнились негодованія. Дворяне цѣлою душею потребовали отъ него отставки—но Стругель служитъ еще. Теперь же предписаніемъ губернатора имѣніе мое подпадаетъ подъ надзоръ рабовъ—десятниковъ; лишается ежегоднаго значущаго дохода и, о ужасъ! Стругель посвящается въ атаманы сихъ избранныхъ—гдѣ же правосудіе?

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ все рыдаетъ,
Все стонетъ, смерть къ себѣ зоветъ;
Пожаръ вражды вездѣ пылаетъ
И жертвы острый мечъ сѣчетъ!

Вотъ, милостивый государь Дм. Алек., причины, побудившія меня взяться за перо и изъясняться языкомъ дворянина, живущаго въ благоустроенномъ государствѣ, въ коемъ все движется волею монарха, законами—и такъ я готовъ защищать себя.

1824 г. іюля 22 дня, с. Никольское.

5.

Въ той же книгѣ на послѣднемъ полулистѣ читаемъ слѣдующее—мнѣ неизвѣстно по какому поводу написанное; думаю что справиться весьма легко.

«Отеческое попеченіе его императорскаго величества вселюбезнѣйшаго монарха нашего о благѣ своихъ вѣрноподданныхъ даруетъ теперь дворянскому сословію священное и драгоцѣннѣйшее право изложить торжественно о нуждахъ своихъ.

Одушевляясь симъ высочайшимъ сердоболіемъ, имѣю честь испросить монаршее соизволеніе о слѣдующемъ:

Основать дворянскій учебный корпусъ въ губернскомъ городѣ, цѣль коего должна быть: благоденствіе отечества, защита престола, вѣрность къ монарху.

Дворяне, служащіе по выборамъ, не должны

быть судимы Уголовною Палатою; но губернскимъ предводителемъ, уѣзднымъ предводителемъ и депутатами отъ дворянъ.

Всеподданнѣйше испросить монаршее соизволеніе, дабы въ комиссіи составленія законовъ присутствовали губернскіе дворянскіе депутаты.

Вновь издаваемые законы относящіеся до чести, достоинства, собственности дворянъ, до выполненія оныхъ, должны быть разсматриваемы губернскими предводителями и депутатами отъ дворянъ.

При производствѣ слѣдствій по дѣламъ дворянъ, касающихся до чести, достоинства, собственности дворянина, находился бы депутатъ отъ дворянъ по назначенію подсудимаго.

Имѣніе дворянъ по казеннымъ долгамъ не продавалось бы, а подвергалось опекѣ.

Родовое имѣніе дворянъ по частнымъ долгамъ не продавалось бы съ аукціоннаго торга, а назначалась бы надъ онымъ опека.

Дѣти дворянъ при жизни родителей, коими они еще не отдѣлены, не имѣли бы права давать денежныя обязательства, безъ поручительства своихъ родителей.

Серебряный рубль былъ бы принимаемъ казною въ четыре ассигнаціонныхъ рубля.

1827 года, марта 10 числа».

(Отдѣльный оттискъ изъ № 1, Труд. Рязан. Учен. Архивной Комиссіи, 1888 г.).